

*Моему отцу Бобу Спортсвуду,
который привил мне любовь
к хорошему детективу*

Очень немногие из нас таковы,
какими кажутся.

Агата Кристи, «Человек в тумане»

Действующие лица

Уиллоджин Паркер. Бывшая цирковая артистка, правая рука Лилиан Пентикост. Осваивает радости и разочарования профессии детектива.

Лилиан Пентикост. Выдающийся нью-йоркский детектив. Не так твердо стоит на ногах, как раньше, но в стальной капкан ее ума лучше не попадаться.

Алистер Коллинз. Стальной магнат и бессердечный глава семейного клана. Чуть больше года назад приставил к голове пистолет и поставил точку в собственной жизни.

Абигейл Коллинз. Его жена. Кто-то испортил ей Хеллоуин, забив до смерти хрустальным шаром.

Ребекка Коллинз. Дочь Ала и Абигейл. Смелая, красивая, весьма необычная девушка.

Рэндольф Коллинз. Брат-близнец Ребекки. Пытается заполучить отцовское наследство, и, по его мнению, это предполагает в том числе необходимость держать сестру в узде.

Харрисон Уоллес. Крестный отец Ребекки и Рэндольфа, исполнительный директор «Сталелитейной компании Коллинза». Говорит, что хочет раскрыть убийство Абигейл, но, возможно, только на словах.

Ариэль Белестрад. Медиум и ясновидящая из Верхнего Ист-Сайда. Утверждает, что может говорить с мертвыми, но не оставляет ли она покойников повсюду, куда ступает?

Нил Уоткинс. Бывший университетский вундеркинд, ставший помощником Ариэль Белестрад. Насколько тщательно он следует по стопам наставницы?

Оливия Уотерхаус. Скромная преподавательница университета со страстью к оккультизму. Ее одержимость Ариэль Белестрад явно выходит за рамки чисто научного интереса.

Джон Мередит. Управляющий на заводе и забияка с покрытым шрамами лицом, вечно нарывающийся на драку. Привязан к клану Коллинзов.

Дора Сэнфорд. Давняя кухарка Коллинзов. Не против вынести сор из избы.

Джереми Сэнфорд. Дворецкий Коллинзов. Умеет с бесстрастным лицом хранить семейные тайны.

Элеанор Кэмпбелл. Кухарка и экономка Лилиан Пентикост. Добрая, верная, но с ней не забалуешь.

Лейтенант Натан Лейзенби. Один из самых проницательных полицейских Нью-Йорка. Не стоит его недооценивать. Готов развязать руки Пентикост и Паркер, но лишь для того, чтобы повесить на этой веревке убийцу. Или их самих.

Глава 1

Когда я впервые повстречала Лилиан Пентикост, то чуть не проломила ей череп куском свинцовой трубы.

Несколько смен я отработала ночным сторожем на стройплощадке на Сорок второй улице. Многие из нашей труппы передвижного цирка Харта и Хэлловея подрабатывали таким образом, оказываясь в больших городах. Ночные смены и работа в выходные, чтобы успеть после представления и сразу получить деньги на бочку.

В те годы часто можно было найти такую работу. Мужчины, которые раньше этим занимались, теперь отплыли за океан в надежде подстрелить Гитлера. А когда срочно нужно заполнить вакансию, сойдет и двадцатилетняя циркачка.

Особого опыта и не требовалось. Работенка для тупых. Ходить по периметру вдоль забора с одиннадцати часов до рассвета и смотреть, чтобы никто не перелез. А если вдруг это случится, мне следовало трезвонить в колокольчик, орать и поднимать шум, чтобы спугнуть вора. Ну а если не поможет, то бежать за полицией.

По крайней мере, именно этого обычно ждут от сторожа. Бригадир Маккლოსки, который мне платил, имел другое мнение.

— Если кто-нибудь проберется на стройплощадку, как следует огреешь его вот этим, — сказал он, подкру-

чивая сальные усы. «Это» было свинцовой трубой длинной в пару футов. — Тогда получишь прибавку в два доллара. Покажешь пример.

Кому я покажу пример, я так и не узнала. А еще не знала, что именно можно там украсть. Строительство только началось, и стройплощадка представляла собой, в сущности, огромный котлован размером в полквартала. Немного древесины, какие-то трубы, чуток инструментов, но ничего ценного. В такой-то близости от Таймс-сквер сюда скорее забредет какой-нибудь пьяный в поисках ночлега.

Я рассчитывала провести там несколько скучных ночей, получить несколько баксов, а поутру успеть обратно в Бруклин, к дневному представлению в цирке. Я также надеялась, что смогу спокойно почитать детектив, купленный в киоске на той же улице. Может, подремать пару часиков где-нибудь в уголке. В дороге поспать в одиночестве, без грохота грузовиков и рычания тигров в клетках — редкое удовольствие.

В первые две ночи все шло так, как я и рассчитывала, — я провела их в одиночестве. Да, Нью-Йорк никогда не спит, но между двумя и пятью дремлют даже эти несколько кварталов в сердце Манхэттена. Хотя за семифутовым деревянным забором вокруг стройплощадки шагов особо и не услышишь. В той яме на полквартала и впрямь стояла призрачная тишина.

Так что на третью ночь скрип отдираемой от забора доски прозвучал как звон колокола.

С колотящимся сердцем я схватила свинцовую трубу и обогнула котлован. Я была в рабочем комбинезоне и хлопковой рубашке — ткань даже не шуршала при движении. Подметки на ботинках уже истончились от старости, что не шло на пользу ногам, зато позволяло подкрадываться как тень. Я приблизилась к человеку, скрючившемуся на корточках у края ямы.

Он зачерпнул горсть глины и разминал ее пальцами. Я подумывала заорать, чтобы прогнать его, но он был крупнее меня. В другой руке он держал не то трость, не то дубинку — в общем, что-то поувесистей моей трубы. Если я заору и побегу к нему, то могу и не успеть дать сдачи.

Я медленно переставляла ноги, один шаг за другим. Подойдя почти вплотную, я занесла трубу над головой. И задумалась, каково это — треснуть ею человека. Хватит ли мне ловкости, чтобы просто его оглушить? Сыщикам в дешевых романах всегда это удается. Но скорее я расколю ему череп, как яйцо. Живот свело, как будто я смотрю на акробатов.

Когда человек обернулся и посмотрел на меня, я по-прежнему стояла, занеся трубу над головой.

— Я бы предпочла не завершать день сотрясением мозга, — сказала она ровным, как натянутый канат, голосом.

Крепкий молодчик, которого я так испугалась, оказался женщиной, годящейся мне в матери, ее волосы были собраны в тугой и замысловатый узел.

— Вам не положено здесь находиться, — сказала я, пытаясь сдержать дрожь в голосе.

— Это еще как сказать. Давно вы тут работаете?

— Несколько ночей.

— Хм...

В этом хмыканье слышалось разочарование.

Вообще-то мне следовало ее прогнать. Но по какой-то причине, назовите ее судьбой, или скукой, или пагубным порывом, я продолжила разговор:

— Кажется, Макклоски, это управляющий, только начал нанимать ночных сторожей. Думаю, раньше он сам ночевал здесь в каптерке, чтобы подзаработать. Во всяком случае, так мне сказали ребята из утренней смены.

— Уже лучше, — объявила она.

Она медленно встала, опираясь на трость в левой руке. Высокая и крепкая, в клетчатом костюме, явно дорогом и сшитом на заказ, и в пальто до щиколоток — как у Блэкхарта Барта, когда он целится во врагов из засады.

— Это его каптерка? — спросила она, оглядывая деревянное строение неподалеку.

Я кивнула.

— Покажите мне ее.

К этому времени мы обе уже поняли, что никто никого бить не будет, и я решила: почему бы и нет? Может, потому, что иначе пришлось бы вызывать полицию, а я на дух не переношу людей с жетонами.

Я повела ее в стоящую в углу стройплощадки каптерку. Женщина шла чуть позади, опираясь на трость. Не сказать чтобы хромала, скорее слегка покачивалась. Я не очень разобралась, в чем дело, но трость была явно не для вида.

Маккლოსки называл эту хибару своим офисом, но даже курятники бывают сколочены крепче. Нам не разрешалось входить внутрь, да и дверь была заперта. Загадочная женщина вытащила что-то из внутреннего кармана пальто — тонкую изогнутую проволоку — и начала ковыряться в замке. Она повозилась с минуту, а потом я не выдержала.

— Нужно подцепить снизу, — сказала я.

— В каком смысле?

Я забрала у нее проволоку и за десять секунд справилась с замком. Я бы и с более сложным справилась с завязанными глазами. В буквальном смысле.

— Если собираетесь регулярно этим заниматься, найдите отмычки попрличней, — сказала я.

В последующие годы я видела ее улыбку примерно три десятка раз. Тогда она удостоила меня ею впервые.

— Буду иметь в виду, — отозвалась она.

Внутри халупа соответствовала внешнему виду. Грязная и кое-как сколоченная. Там стоял стол, сооруженный из пары ненужных досок, поставленных на козлы. На нем валялись бумаги. Еще были лампа и армейский телефон, который поставили сюда, чтобы Макклоски мог звонить, не бегая к таксофону. Остальное пространство занимали узкая койка и кипа грязных тряпок, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся одеждой.

Моя спутница включила лампу. При свете захламленная каптерка не стала выглядеть лучше. Даже в обезьяньих клетках бывает чище.

— Опишите мистера Макклоски, — попросила она, не сводя с меня серо-голубых, как зимнее небо, глаз.

— Даже не знаю. Лет сорок. Выглядит обычно, клянись.

Взгляд, которым она на меня посмотрела, впоследствии я привыкла называть «разочарованная учительница».

— Ничего обычного не существует, когда речь идет о людях. И не клянитесь, если не заставляют.

Я начала сожалеть, что не пустила в ход свинцовую трубу.

— Ладно, — осклабилась я. — Примерно на фут выше меня, значит, шесть футов, плюс-минус. Вес сотни две фунтов — по большей части жир, но и мышцы под ним есть. Похож на работягу, который любит прикладываться к бутылке. Судя по заплатам на штанах, у него всего две смены одежды, и все вместе и трех баксов не стоят. В общем, дешевка, но хочет, чтобы его считали тузом.

— С чего вы так решили? — осведомилась она.

— С того, сколько он мне платит. А кроме того, он не потратил и двадцати пяти центов на бритве, зато отдал пять баксов за липовые часы.

— Липовые?